

Я пела Царицу ночи в интерьерах пятизвездочного отеля

Корейская певица Суми Йо, чей удивительно подвижный и нежный голос всегда звучит мягко и очень женственно, впервые выступила в Москве в прошлом году с сольным концертом в рамках абонемента Московской государственной филармонии "Искусство колоратуры". В 80-х Герберт фон Караян говорил о Суми Йо, что такие певицы появляются раз в сто лет. Она выступала в Ковент-Гарден, Парижской Опере и Метрополитен-опера и других прославленных театрах мира, ее коронными партиями стали Лючия ("Лючия ди Ламмермур" Доницетти), Царица ночи ("Волшебная флейта" Моцарта), Олимпия ("Сказки Гофмана" Оффенбаха), Адель ("Граф Ори" Россини), Амина ("Сомнамбула" Беллини), Цербинетта ("Ариадна на Наксосе" Р. Штрауса), альбомы с записями певицы выпускали фирмы "Deutsche Grammophon", "Decca" и "Philips". Партнерами Суми Йо на сцене были Пласидо Доминго и Хосе Каррерас. Концерт в Москве произвел на корейскую звезду огромное впечатление. Она надеется еще раз побывать в России.

— Госпожа Суми Йо, в последнее время вы редко участвуете в оперных спектаклях, предпочитая выступать в концертах. С чем это связано?

— Это зависит от моего выбора, хотя я по-прежнему продолжаю принимать участие в оперных постановках и на ближайšie годы у меня запланировано несколько спектаклей.

— Что определяет ваш выбор? Почему вам больше нравятся концерты?

— Мне действительно гораздо интереснее выступать в концертах. Наверное, потому, что для сольного выступления я всегда могу надеть платье, которое нравится мне, а не то, которое навязывает режиссер постановщик. Конечно, я шучу. Если говорить серьезно, сольный концерт позволяет мне оставаться собой: выражать свои собственные эмоции, находить путь к слушателям, вступая с ними в диалог. Все-таки в оперном спектакле певец зависит от очень многих вещей и от очень многих людей. Тем не менее участвовать в спектакле тоже интересно: ты проживаешь роль, попадаешь в новый мир. Но мне кажется, что сейчас есть что сказать публике, не участвуя в оперном спектакле. Не хочется, чтобы вы подумали, что я намеренно занижаю их значение, будто для меня это нечто несерьезное. Незадолго до моего приезда в Москву я пела Царицу ночи в "Волшебной флейте" Моцарта в Брюсселе. Впервые в моей жизни Царица ночи на сцене была одета в белое платье. Это был изумительный спектакль, но тем не менее сольные выступления мне ближе.

— В последнее время режиссеры играют в оперном театре все более важную роль. Они не мешают певцам?

— Бывает по-разному. Я знаю многих молодых режиссеров, которые придумывают блестящие идеи, но всегда считаю, что режиссерские идеи должны прежде всего исходить из музыки и должны быть продиктованы ею. Лучше, если фантазия постановщика начинает работать в тот момент, когда авторская партитура и либретто дают сильный импульс. К сожалению, так бывает не всегда, и

режиссер придумывает свою концепцию независимо от того, что написал композитор.

— Вам нравятся спектакли, где осовременивают классические оперы бельканто?

— Я участвовала в самых разных постановках: в очень традиционных и, наоборот, ультрасовременных. Я вспоминаю "Лючию ди Ламмермур" Доницетти, где действие перенесли во времена нацистского режима и главная героиня Лючия, которую я играла, была пленной. Я пела Царицу ночи из "Волшебной флейты" Моцарта в интерьерах пятизвездочного отеля. Иногда это вызывает интерес у зрителей, иногда нет, потому что публика не дура, какие-то вещи она принимает, какие-то — нет. В каждом случае бывает по-разному: что хочет показать режиссер, что он хочет вложить в уста своих героев и какими средствами он осуществляет свою идею. Но часто случается, что зрители не совсем понимают, что происходит на сцене.

— Как вы готовите свои партии? И если вы их готовите заранее, меняются ли их трактовки во время репетиций?

— Очень интересный вопрос. Начиная работать над партией, которую я исполняю впервые, я никогда не слушаю записи других певцов. Потому что хочу, чтобы моя встреча с композитором и музыка обогласлась без посредников. Это как бы мое первое свидание с композитором. Такая встреча для меня всегда момент очень важный и животрепещущий, берущий за душу. Потом, когда я прихожу на репетицию, у меня часто возникает внутреннее ощущение, что мои первые впечатления об этой роли и об этом персонаже были правильными. Но иногда, особенно если я работаю с опытным режиссером или дирижером, они мне открывают глаза на новые аспекты роли. И я очень рада, если в течение репетиций могу почерпнуть что-то новое. Я говорю не только об именитых дирижерах, которые могут мне открыть глаза на тот или иной образ, но и об очень многих важных для меня музыкантах, которые действительно могут мне что-то подсказать и дать правильный совет.

С. Йо

— Пожалуйста, назовите несколько имен.

— Я могла бы назвать очень много имен: Герберт фон Караян, Шолти, Мазур, Зубин Мета, Джеймс Ливайн. Я очень благодарна им за то, что каждый в свое время повлиял на мое искусство. Эти дирижеры научили меня одному очень важному качеству: уметь отключаться от той музыки, которую ты в данное время исполняешь. Иначе она начинает звучать у тебя в голове двадцать четыре часа в сутки и впечатление от нее немощко замыливается. Если ты умеешь отключаться от музыки, а потом приходишь в нее вновь, как будто ты ее слышишь в первый раз, это сильно влияет на качество ее исполнения.

— Сейчас у вас есть любимых дирижер?

— У меня много друзей-дирижеров, но самым любимым по-прежнему остается Герберт фон Караян. Я считаю его главным дирижером прошлого столетия. Но, несмотря на это, мне очень интересно работать с дирижерами нового поколения. Мы можем обменяться опытом. Я могу им что-то дать, а они в свою очередь могут рассказать мне что-то новое. Это очень важный процесс, заряжающий нас энергией.

— Когда вы исполняете какую-нибудь партию на сцене, вы отождествляете себя со своей героиней или как бы на-

него на Зальцбургском фестивале в партии Оскара в "Бале-маскараде" Верди. Запись этого спектакля есть на DVD, правда она сделана после смерти Караяна. К сожалению, это была наша единственная совместная работа. Потом он предлагал мне спеть Норму, но я отказалась, потому что была ни морально, ни физически не готова к такой роли. Мой голос еще не окреп, а Норма — это драматическая партия. Караян настаивал, но я отказалась, проявив немощлиую твердость характера. Вы представляете, что это значит, сказать Караяну "нет"?

— Сейчас у вас есть любимых дирижер?

— У меня много друзей-дирижеров, но самым любимым по-прежнему остается Герберт фон Караян. Я считаю его главным дирижером прошлого столетия. Но, несмотря на это, мне очень интересно работать с дирижерами нового поколения. Мы можем обменяться опытом. Я могу им что-то дать, а они в свою очередь могут рассказать мне что-то новое. Это очень важный процесс, заряжающий нас энергией.

— Когда вы исполняете какую-нибудь партию на сцене, вы отождествляете себя со своей героиней или как бы на-

блюдете за собой со стороны?

— Чувствую ли я себя на сцене Джильдой или понимаю, что это я, исполняющая роль Джильды? Я, несомненно, выберу второй вариант ответа. Кто знает, как выглядела и что чувствовала Джильда? В мире тысячи исполнительниц одной и той же роли, у каждой свое видение образа. У меня тоже есть своя, оригинальная интерпретация. Я вкладываю в нее свои личные эмоции, свое ощущение любви, веры, ревности, я вношу в нее опыт, почерпнутый из жизни. Для меня работа над ролью и ее исполнение на сцене — очень важный, личностный момент.

— Когда вы пели арию "E strano!.. Ah, fors'è lui" из "Травиаты", у меня возникло ощущение, что ваша Виолетта — чужестранка. Она чужая в мире полусвета, чужая на этом балу...

— Да, это действительно так. Приятно, что вы заметили это. Я часто исполняю арию Виолетты, и каждый раз она мне дается с невероятным трудом.

— Почему? Вы же блестяще владеете своим голосом.

— Для меня эта ария трудна не технически, а эмоционально. Потому что я только с возрастом (к сожалению, все мы не молодеем) все больше и больше осознаю ситуацию, в которую попала эта женщина. Она живет для любви, любовь является единственным смыслом ее существования, она удерживает ее в жизни. И мне кажется, я только с годами начала понимать, что такое любовь. Каждый раз исполняя эту арию, я задаю себе вопрос: насколько правильно я ее пою? Насколько Верди подразумевал то, что я делаю? Этот вопрос все время мучает меня. Кроме того, многие люди по-прежнему задают себе вопрос: а может ли Суми Йо спеть "Травиату"? Потому что я больше известна по другим ролям, меня знают как виртуозное колоратурное сопрано. Сейчас я хочу доказать всем, что техника, которая у меня есть, — это только фундамент, на котором построено здание. Техника не должна превалировать, с ее помощью на сцене должны возникать настоящие эмоции, настоящие страсти. Я хочу, чтобы обо мне впоследствии осталась память как о певице, которая вкладывает всю душу в свое исполнение и которой подвластны настоящие, великие страсти и чувства.

— Вы будете петь Виолетту?

— Меня много раз уговаривали спеть эту партию, но я отказывалась. А недавно согласилась. Буду ее петь в 2007 году в Тулузе, во Франции, в маленьком театре. Потому что хочу попробовать, подходит ли мне эта роль. Я досконально знаю свой голос, для арий первого акта он подходит, а вот в финальном акте у Виолетты должен быть более мягкий, объемный, широкий звук. Мне еще предстоит над этим поработать.

— Что вы собираетесь петь, кроме "Травиаты"?

— В ближайшие два года, кроме

"Травиаты", у меня запланировано еще два спектакля — "Дочь полка" Доницетти и "Динора" Мейербергера, — так что я по-прежнему работаю в опере. Собираюсь и дальше выступать с сольными концертами. Мне одинаково интересно выступать с оркестром и в сопровождении фортепиано. Каждый концерт для меня — новый опыт. Встреча с публикой — непредсказуемая вещь, я волнуюсь, как будто иду на свидание. Ничего невозможно угадать: бывает, что я не очень собой довольна, а народ в зале беснуется. А иногда кажется, что я спела хорошо, а публика принимает меня холодно. Выступаю с концертами, записываю альбом арий Бенделла, Скарлатти и Вивальди. И остаюсь полномочным послом ЮНЕСКО.

— Как называется ваш последний альбом и когда вы его выпустили?

— Я выпустила его полтора года назад. Он называется "Be Happy", это арии из мюзиклов. А параллельно я записывала оперы с разными дирижерами.

— В каких театрах вам больше всего нравится выступать?

— В Ковент-Гарден и Опера Бастиль. Я сейчас не работаю в больших театрах, хотя мне часто это предлагают.

— Вы сами выбираете себе роли или этим занимается ваш агент?

— Иногда я советуюсь со своими менеджерами, но решение всегда принимаю сама. Понимаю, существует множество разных доводов за и против, я долго взвешиваю их и в конце концов часто прихожу к выводу, что лучше вообще отказаться от партии, остаться дома и провести больше времени со своими родными. У меня есть своя личная жизнь. Прекрасный дом, близкие мне люди, собака, которую я обожаю. Ее зовут Синди Кроуфорд, она красавица и страшная кокетка... Стремясь все время к новым ролям или сольным выступлениям, я отнимаю у себя часть жизни. Я прекрасно понимаю, что каждый раз должна отдавать все лучшее, что во мне есть, но после спектакля или концерта обычно чувствую себя совершенно опустошенной. Эту пустоту нужно заполнять своими личными впечатлениями, наблюдениями, мыслями, чтобы потом отдавать как можно больше зрителям. Для меня очень важен процесс аккумуляции новых сил. Сейчас я все больше думаю, что нужно посвящать себе больше времени. Но, к сожалению, даже сейчас мое расписание не всегда позволяет мне вовремя заряжать свои аккумуляторные батареи.

— Есть партия, которую вы мечтаете исполнить в будущем?

— У меня нет сожалений о неисполненных партиях, я исполнила почти все, что написано для моего голоса. Я пела в операх бельканто, французских операх, немецких, опереттах, мюзиклах, исполняла музыку для кино. Я записала альбом с ариями эпохи барокко... Жизнь настолько насыщена, что на сожаления просто не

остается времени. Сейчас мне хочется попробовать спеть русскую музыку.

— Какую?

— Я пока не готова назвать какие-то конкретные имена или названия опер, потому что моя любовь к России только началась. Я недавно сюда приехала и почувствовала, что должна обязательно начать учить русский язык. Мои впечатления от России очень свежие. Они должны немного отложиться, окрепнуть. Ваша страна — носительница великой культуры, литературы, живописи. Мне хотелось бы вернуться сюда, узнать, как здесь живут люди, почувствовать русский характер, узнать русскую культуру. Обещаю, что я это сделаю.

— На каких языках вы говорите и поете?

— Говорю на родном корейском, французском и английском. Пою на этих языках и, кроме того, на немецком, японском и испанском.

— Когда и как вы поняли, что будете певицей?

— Я поняла это еще эмбрионом во чреве моей матери. Она когда-то мечтала быть певицей и во время беременности слушала Марию Каллас. Поэтому моя судьба с самого начала была предрешена.

— Вы помните, когда впервые запели?

— В четыре года. Я могла воспроизвести любую услышанную мелодию. У меня всегда был абсолютный слух.

— Какую музыку вы слушаете?

— Все зависит от настроения. Прочувшись, я понимаю, что мне нужно послушать. Иногда мой день начинается с Моцарта, иногда с Мэрайи Кэри (я считаю ее лучшей в мире поп-певицей, у нее потрясающая техника пения). А иногда мне хочется послушать Рахманинова.

— Почему вы живете в Риме?

— Из-за вина. Конечно, я шучу, просто в Риме живут мои близкие друзья, без которых я не могу обойтись. Это основная причина. Кроме того, в Риме хорошая еда, хорошее вино и много других приятных мелочей.

— Что вы чувствовали, когда молодой девушкой приехали учиться в совершенно чужую страну и встретились с незнакомой для вас культурой?

— Я была абсолютно счастлива, что попала в Европу и наконец оказалась одна. В детстве моя жизнь была полностью подчинена интересам моих родителей. Пока я росла, они заботились обо мне, но ни на минуту не оставляли меня в покое. В Риме я впервые ощутила себя самостоятельной.

— И что вы сделали?

— Первое, что я сделала, — пошла к знаменитой испанской лестнице, которую видела в фильме "Римские каникулы" с Одри Хепберн, и спустилась по ней точно так же, как это делала главная героиня фильма.